

Как сделать историческое исследование книги, изучив три иллюстрации к ней. Часть 2.

О. Романова

Очевидно, что реплика Н.А. Тарасенко является ярким подтверждением высказанных в моей рецензии замечаний, и писать что-либо дополнительно даже не нужно. Автор реплики сам привел массу доказательств как уровня своей компетентности, так и умения вести научные дискуссии в соответствии со стандартами научной этики, да к тому же вывесил серию документов, которые лишний раз подтверждают правоту моих слов.

Я решила не испытывать терпение читателей детальным ответом на все обвинения. Нет надобности подчеркивать тот очевидный факт, что в реплике Н.А. Тарасенко каждое опровержение начинается с извращения сути моих слов, это происходит систематически и по всему тексту. Алгоритм его опровержений - это три стандартных шага: 1) перевираание, 2) обвинение рецензента в некомпетентности, 3) приведение каких-либо фактов или цитат, не относящихся к сути дела. Укажу и на присутствие троллинга: Н.А. Тарасенко решил, что самым лучшим аргументом в защиту собственной монографии будет разбор структуры и отдельных, вырванных из контекста, фрагментов монографии рецензента. В связи с этим отмечу лишь один момент. Н.А. Тарасенко обвиняет меня в том, что я специально написала свою работу на украинском языке, чтобы сделать невозможной критику со стороны профессиональных египтологов. Моя монография, оказывается, «надежно защищена от его оценки и критики со стороны российских египтологов. По-существу, этот труд даже избежал рецензирования со стороны египтологов».

1. Это утверждение является выпадом не столько против О. Романовой, сколько против к.и.н., доцента, заместителя заведующего кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова О.В. Томашевич, которая является научным редактором моей монографии.

2. Выбор языка принадлежит к сфере прав и свобод личности. Почему украинка выбирает украинский, особенно с учетом современного состояния языковой проблемы в Украине, объяснять особенно не приходится, не говоря уж о том, что именно государственная Национальная академия наук Украины выплачивает О. Романовой, как и Н.А. Тарасенку, зарплату.

Вернемся к дискуссии. Как отмечалось, первым шагом в ответе автора монографии на каждое замечание моей рецензии было перевираание моих утверждений. Например, автор делает вид, что не понимает суть моего первого замечания о том, что исследование не соответствует своему названию, а также, что тему трудно назвать неразработанной, если по ней есть восемь монографий. Встречаются также манипуляции терминами, датами и цифрами, в частности, Тотенбухпроект как название научного проекта смешивается с названием сайта этого проекта. К тому же Н.А. Тарасенко то подтверждает факт своего участия в этом проекте, то отрицает его, в зависимости от того, что именно ему нужно подчеркнуть: свою значимость как участника международного проекта или факт самостоятельного собирания им списка виньеток.

Следующим шагом становится обвинение рецензента в том, что перевранные «данные» неверны. В подтверждение своих слов Н.А. Тарасенко массово цитирует авторитетов, независимо от того, имеют ли цитаты отношение к обсуждаемым вопросам. Разберу отдельные примеры.

В моей рецензии утверждается, что незнание того, что Пепинахт Хекаиб не был царевичем, свидетельствует о незнании Н.А. Тарасенко истории древнего Египта. Автор монографии в пункте 18 начинает разбирать, что могут означать слова «большинство

хрестоматий», жонглируя предположениями и домыслами, чтобы повернуть дискуссию в другую сторону. Но непонятно, чем «царевичу Хекайбу» могут помочь десять хрестоматий, как и цитирование фрагмента перевода В.И. Петровской, который лишь подтверждает мое замечание, что этот египтянин царевичем не был.

А вот чтение автором монографии имени этого египтянина в сопровождении иероглифического текста дает еще одно подтверждение того, **что читать иероглифический текст Н.А. Тарасенко действительно не умеет**, даже самый простой:

«Пиопинахтом, по имени Неферхекайби»

Оказывается, что Н.А. Тарасенко даже не знает, что такое *mn.f nfr* - «прекрасное имя», и как вообще нужно читать сложные имена с этим компонентом. Появление «Неферхекайби» блестяще демонстрирует уровень работы с источниками и способ, которым Н.А. Тарасенко делает свои переводы. Отыскав этот фрагмент в сборнике К. Зете (судя по написанию иероглифов)¹, и вырезав его, он даже не поинтересовался, как написаны имена этого египтянина в других местах иероглифического текста. В противном случае, он обнаружил бы, что «Неферхекайби» там нет, есть *Ppy-nht* либо *Hk3-ib*. То есть, вместо того, чтобы брать текст и переводить, Н.А. Тарасенко сначала берет чей-нибудь перевод (в данном случае - В.И. Петровской), а потом находит соответствующий фрагмент в иероглифическом тексте и, вырезав его, вставляет в собственный текст. Так рождается собственный «перевод» Н.А. Тарасенко. Именно о таком способе «перевода» я говорила в рецензии, и Н.А. Тарасенко лишний раз доказал правдивость моих слов.

Вся аргументация в реплике Н.А. Тарасенко по поводу оспаривания данных справочника Б. Портер и Р. Мосс свелась к утверждению, что он, оказывается, говорил не о простом «писце» а о «царском писце», но укажу, что в разбираемом предложении из его монографии есть и тот и другой. Далее Н.А. Тарасенко принялся обвинять меня в том, что я привела в своей рецензии титулы в том виде, в котором они записаны у Б. Портер и Р. Мосс и у П. Ньюберри, хотя между ними есть некоторые разночтения. Думаю, что комментарии здесь излишни, ибо ни чтение титула разными исследователями, ни приведенные картинки никоим образом не опровергают сути моих утверждений. А суть их проста: Н.А. Тарасенко запутался в том, кто в какой гробнице похоронен, и в своей реплике вновь наглядно продемонстрировал, что в египетской титулатуре он тоже не разбирается. Не вдаваясь в подробности, отмечу: 1) статус древнего египтянина определяется не по одному титулу (особенно, если он не главный), а по всей совокупности его титулов: сначала выделяют наивысшие ранговые и должностные титулы человека, и лишь после этого делают выводы относительно того, писец он, князь или жрец; 2) любой серьезный ученый ориентируется на написание титула в источниках, а разновидности перевода титулов встречаются в научной литературе часто, и каждый, кто хоть немного поработал с титулатурой, знает об этом.

Возмущаясь по поводу обвинения в использовании индексов и словарей, Н.А. Тарасенко ушел от ответа на вопрос, почему же **он не сделал анализ употребления терминов джет и нехех в Книге мертвых** (дело в том, что к ней нет индексов), которую он должен исследовать, судя по названию его работы. В ответе Н.А. Тарасенко эта тема почему-то оказалась опущена. Добавлю, что цитат из Текстов пирамид у него почти такое же количество, как и из Книги мертвых. Может, это новый метод: для исследования «мифологии в изобразительной традиции Книги мертвых» автор монографии более важным считает изучение Текстов пирамид, чем текстов самой Книги мертвых?

Следует сказать еще несколько слов о «впервые разработанных» **типологиях виньеток** авторства Н.А. Тарасенко, ибо именно они, по его собственному мнению, составляют основное достижение его работы.

¹ *Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. B. I–IV. Leipzig, 1932–1933, S. 135 [7].*

1. Процитирую полностью один фрагмент моего текста и ответа Н.А. Тарасенко, поскольку он демонстрирует качество разработанных им типологий и его собственное отношение к этим типологиям:

«На с. 32 неожиданно появляется предложение: «Второй иконографический подтип BD 16A...». Это вызывает у читателя недоумение: а где же рассматривается первый иконографический подтип BD 16(A?)» (стр. 6). ! См. стр. 29 книги, второе предложение § 1.2. Видимо, у рецензента проблема с концентрацией внимания».

Но в указанном месте на странице 29 нет упоминания о «первом иконографическом подтипе BD 16(A), там есть лишь «Первый тип виньеток ВД 16(A)», а первого подтипа нет, ни на этой странице, ни на других вплоть до стр. 32, где сразу появляется «Второй иконографический подтип BD 16A...». Если для автора рецензируемой монографии **тип и подтип** виньеток – **это одно и то же**, то научная ценность его «*впервые* разработанных иконографических типологий к ряду виньеток Книги мертвых» гроша ломаного не стоит.

2. Как указывалось в рецензии, в монографии Н.А. Тарасенко рассматривается не иконографическая типология виньеток 17 главы, а, в сущности, типология одной сцены, рути-сцены, и не только на материалах Книги мертвых. То есть Н.А. Тарасенко не разграничил понятия «сцена виньетки Книги мертвых» и графическое изображение сцены из египетской мифологии. При создании типологии Н.А. Тарасенко не смущает тот факт, что *некоторые из выделенных им подтипов иконографических сцен не встречаются на виньетках Книги мертвых вообще*, а есть лишь в декоре гробниц или на саркофагах. Методологически некорректно представлять как «иконаграфическую типологию виньеток Книги мертвых» список сцен на разных носителях, об этом и говорилось в моей рецензии.

Отдельная сцена включена в общую текстуальную и изобразительную программу памятника, на котором она находится, и сначала нужно рассмотреть ее в контексте этой программы, то есть: корпус Книги мертвых - отдельно, изображения на саркофагах, в храмах, гробницах и т. д. - отдельно по каждому виду носителей, и лишь после этого можно переходить к созданию общей типологии. Проблема усложняется тем, что набор иконографических компонентов этой сцены мог зависеть от количества отведенного под нее места: на небольшом пространстве папируса или на скарабее отдельные компоненты могли просто опускаться. Кроме того, набор компонентов отдельной сцены мог меняться в зависимости от времени ее создания, но ни одна из «иконаграфических типологий» Н.А. Тарасенко не учитывает такой фактор, как историческое развитие изобразительного сюжета.

3. Хочу кратко остановиться на отличиях типологии И. Мунро и Н.А. Тарасенко, который указывает, что в своей монографии разработал «иконаграфическую типологию BD 42», в то время, как у И. Мунро то ли вообще нет типологий виньеток (пункт 21), то ли она разработала «типологию оформления глав в свитках» (пункт 22).

Вся книга И. Мунро (Munro I. Untersuchungen zu den Totenbuch-Papyri der 18. Dynastie. Kriterien ihrer Datierung. London-New York, 1987) посвящена определению разных критериев датировки папирусов с текстами Книги мертвых. Проблемам датировки папирусов по иконографическим особенностям посвящена вторая глава этой книги (С. 13-63), проблеме датировки по другим критериям, в частности по особенностям текстуально-изобразительной структуры глав, блокам, фризам и т. д., посвящен раздел 6 (С. 198-211). В этом разделе И. Мунро, в частности, выделила два типа изображений для BD 42: тип А - виньетки, связанные с названием главы, и тип В - виньетки, сопровождающие «Gliedervergottung»-формулы. То есть, два выделенных И. Мунро типа – это, по сути, разные иллюстрации, а не два типа одной сцены.

Впервые разработанная авторская «иконаграфическая типология виньеток» Н.А. Тарасенко к главе 42 Книги мертвых, дословно повторяет типологию И. Мунро, созданную для определения места виньеток в текстуально-изобразительной структуре этой главы: основным отличием типа А от типа В в типологии Н.А. Тарасенко является не

иконография сцен или изображений, а размещение виньеток в общей структуре главы 42 Книги мертвых. Надеюсь, что об этой «впервые разработанной иконографической типологии» теперь сказано достаточно.

Лучшим ответом Н.А. Тарасенко на мои замечания был бы список его личных достижений и открытий, сделанных в монографии. Как указал сам Н.А. Тарасенко, он видит ценность своей работы в том, что в ней

«впервые разработаны иконографические типологии к ряду виньеток Книги мертвых, впервые введен в научный оборот целый ряд сцен, прежде не публиковавшихся и не описывавшихся, впервые созданы максимально полные своды изученных сцен из Книги мёртвых в той совокупности источников, где они использовались».

О впервые предложенных авторских иконографических типологиях, в которых путаются типы и подтипы, или в список «максимально полных сводов сцен из Книги мертвых» включаются сцены, к этой книге непосредственно не относящиеся, уже сказано достаточно. По поводу ценности этой монографии для «научного оборота» замечу, что большинство египтологов мира не владеют русским языком и потому вряд ли будут обращаться к этой книге, чтобы почерпнуть из нее главные достижения Н.А. Тарасенко - ««максимально полные своды изученных сцен из Книги мёртвых в той совокупности источников, где они использовались» (уже есть более полные списки на сайте Тотенбухпроект), или рассмотреть «целый ряд сцен», «впервые введенных в научный оборот», на иллюстрациях, где невозможно ничего увидеть.

Как указывалось в начале моей рецензии, недостаточное знакомство украинского читательского сообщества с египтологической тематикой может способствовать появлению и распространению работ такого рода. Большинство читателей просто не поймут, что у автора монографии проблемы даже с элементарными знаниями, и станут воспринимать монографию как последнее достижение мировой египтологии по «узкопрофессиональной» теме. Такая ситуация несет в себе угрозу для становления украинской египтологии именно как научной дисциплины, а не как псевдо-науки.

И еще несколько слов по поводу обнаружения на русском сайте откликов других исследователей, которые, по мнению Н.А. Тарасенко, дискредитируют мои утверждения.

Профессор Варшавского Университета Анджей Нивински не давал официальной рецензии на монографию Н.А. Тарасенко. Он написал дружественное письмо, даже не подозревая, что это письмо будет представлено как его официальная рецензия на монографию, и что его имя появится на титульной странице в качестве рецензента. Обо всем этом он сообщил мне сам в электронном письме, отвечая на мои замечания по поводу ошибок в монографии Н.А. Тарасенко. Насколько я поняла, именно это письмо-«рецензия» А. Нивински было вывешено Н.А. Тарасенком на сайте в качестве доказательства высокой оценки А. Нивински. Я позволю себе передать просьбу А. Нивински: «Please, do not use my reviews of Tarasenko in any official proceeding: these were very general opinions with which I only intended to say that it is good to have a book on the Egyptian religion and iconography in the country, where such studies seem be absent. And I understood that the book was for local readers (= general public in Ukraine) only».

Проблема в том, что западные египтологи, как правило, не владеют русским языком, о чем в своем письме упомянул и сам А. Нивински, а потому могут составить впечатление о монографии Н.А. Тарасенко в основном со слов самого Н.А. Тарасенко и небольшого английского резюме. То же самое относится и к письму Х. Мильде.

И, наконец, по поводу итоговой фразы из реплики Н.А. Тарасенко:

«А вот методика «научной критики», предложенная рецензентом, не имеющая ничего общего с наукой ни по каким стандартам, в основном сочетающая в себе два основных элемента: некомпетентность и обман читателя, нуждается, на мой взгляд, не только в морально-этической, но и в правовой оценке.»

Угроза начать судебное разбирательство за научную рецензию - это очень оригинальный способ реагирования на негативные рецензии. В этом контексте хотелось бы спросить, не собирается ли Н.А. Тарасенко привлечь к судебной ответственности также доктора исторических наук, зав. отделом древнего мира Государственного Эрмитажа А.О. Большакова, который тоже опубликовал рецензию с негативной оценкой статьи Н.А. Тарасенко и, кроме этого, еще и дал **официальную негативную рецензию на его диссертацию**? Ведь обе рецензии тоже представляют угрозу его научной репутации.

Я написала свою рецензию по просьбе коллег по институту, чтобы показать, чем на самом деле является эта монография, и аргументировано объяснить, почему я выступаю против присвоения Н.А. Тарасенку звания доктора исторических наук. Как указывалось в рецензии, эта монография лежит в основе докторской диссертации, которую Н.А. Тарасенко собирается защищать в ближайшем будущем. Я обнародовала свою рецензию на русском и украинском сайтах после того, как посоветовалась со своими коллегами по институту и решила, что должна донести эту информацию до широкого круга людей.

Продолжать дискуссию с Н.А. Тарасенком я не считаю нужным, ибо никакой дискуссии, в сущности, тут нет. Научные дискуссии возможны, когда обе стороны пытаются аргументировано изложить свою точку зрения, объективно рассматривают аргументацию оппонента и изыскивают убедительные аргументы в защиту собственной позиции. Я прекрасно понимаю, что подбирать аргументы в защиту собственной позиции можно, когда эта позиция есть, и обсуждать правоту концепции исследователя можно, когда такая концепция разработана. Но оправдать откровенные и позорные ошибки очень сложно: главный способ ответа в такой ситуации - обвинить оппонента в предубежденности, некомпетентности и незнании специфики темы. Думаю, что читатели обоих сайтов, и украинского и русского, получили достаточно информации от разных сторон и сами смогут разобраться и в качестве рецензируемой монографии, и в уровне компетентности каждой из этих сторон, и в том, насколько автор рецензируемой монографии заслуживает звания доктора исторических наук.